

Ивану сильно хотелось выпить. Не сказать чтоб за весь день ему ничего не перепало. Верка-самогонщица утром тайно от Светки, Ивановой жены, налила стопочку в долг, но предупредила, что больше не даст, потому что Светка просила ее не портить праздник. А где еще взять? Иван три месяца уже нигде не работал, а даром, известно, нигде не дают. Сегодня по случаю праздника Светка сама бы выделила на пиво, но с нею у Ивана была не просто ссора, как обычно, а пошло на принцип. На прошлой неделе Светка и ее закадычная подружка Ленка обе разом свалились со скамейки, которую Иван в доброе время поставил около дома. По правде, к нему вообще не могло быть претензий. Скамейка не вечная! Вышел срок — гнилые подпорки не выдержали. Глядеть надо было, куда садиться. Как назло, тогда мимо шел Петрович, которому всегда до всего дело. Мент в отставке — привык распоряжаться. Что-то указывал, пока подружки поправляли скамью, прилаживали больное к здоровому, и сказал вроде того, что им не скамейку, а мужей надо в ремонт отдать, а то, гляди, и крыльцо обвалится... Приметил сбитый порожек! На просьбу Светки все это привести в порядок Иван по привычке решил поторговаться, то есть потребовал магарыч. Светка и пошла на принцип: «За бутылку мне и сосед сделает!» Как отрезала. Ивану только и оставалось сказать: «Проси соседа». А так как Светка, видимо, твердо решила не уступать, Иван был в самом мрачном настроении всю неделю, а сегодня в особенности. К вечеру

уже все мужики пропустили от души — кто водочки, кто самогона — и теперь, которые, как говорится, были еще при своих ногах, стали стягиваться к центральной улице на общее гулянье. Светка пораньше ушла торговать рукодельем. Зимой от нечего делать трудилась, вышивала разные картины: речку, лес, птиц всяких... Как будто этого добра в натуре не хватает! Но, как ни странно, каждый год Светке удавалось продать свои художества, а на вырученные деньги она приносила Ивану, в зависимости от настроения и его поведения, иной раз даже четвертушку. Бывали и на Ивановой улице праздники! Конечно, тогда он еще приносил Светке зарплату, конечно, выпивал реже и матерился только изредка... Что теперь вспоминать. Накрылась его выпивка. Досада Ивана усугублялась тем, что дружба Ваську еще вчера отправили к теще в деревню копнить сено. Вот где ему халява! А Иван стоял один у своей калитки и, страдая от злости на всех, глядел на дорогу. «Придумали еще праздник — День Залепеевки! Обхохочешься. Залепили б сперва ямку на дороге, а то сколько раз по пьяному делу об нее спотыкался...» С какой-то тоской поглядел на скамью с гнилыми подпорками, и так захотелось выпить, что даже сдавило горло.

Из дома напротив вышли соседи. Пришлось поздороваться. Про себя Иван прокомментировал: «Вышел петух со своим выводком. Ишь ты, галстуком удавился. А терпит! Курица платком блестит, а дочки — во смех! — с цветными волосами! Ну, точно, вырядились народ потешать. И кудахтают, как куры...» Он еще добавил несколько крепких сравнений, пока соседи не скрылись за поворотом. Тут Иван и проворонил Петровича, который шел с другой стороны улицы и был уже совсем близко. Чтоб с ним не разговаривать, Иван быстро отошел от калитки и, пригнувшись, наудачу сел на скамью. Как говорится, и охнуть не успел. Подпорка подломилась, а Иван кубарем отлетел к изгороди, удерживая в руках сорвавшуюся с гвоздей доску. Он быстро вскочил на ноги. Отметив, что руки-ноги целы, перевел дух и только хотел отшвырнуть доску подальше, как и подоспел Петрович.

— Здорово живешь! — бодро сказал Петрович.

Иван ответил достойно:

— Не жалуясь.

— А что это ты, — изобразил удивление Петрович, показав глазами на доску в руках Ивана, — никак, ремонтируешь? У тебя, стало быть, как всегда, работа — лучший праздник?

Иван сразу не нашелся, что ответить, но ехидную насмешку бывшего участкового он понял и съязвил, как сумел:

— Для кого — работа, а для мужика — раз плюнуть.

И, намекая на преклонный возраст Петровича, добавил:

— Как на пенсию выйду, тогда и буду с бабами в конкурсах соревноваться. Петрович победил в конкурсе на чистоту территории около дома и получил грамоту от уличкома.

— Ну, ну, трудись,— проговорил Петрович и пошел дальше.

— Понял, к чему сказано! — отметил Иван.— Не лезь не в свои дела!

Улица на время опустела. Иван отшвырнул доску к забору и задумался: «Теперь бы в самый раз выпить. Светка, небось, все продала, ушла давно. Может, принесет?..» «Не принесет,— однозначно ответил себе сам.— Светку не переупрямишь». Выхода Иван не видел. «Глухо, как в танке»,— сказал он вслух и оглянулся. Со стороны центральной площади доносились звуки музыки. «Что, если, правда, слепить скамью? — в тоске подумал Иван.— Все равно Петровичу уже сказал... Работы всего ничего, на одних полчаса. И новая доска в сарае есть, как раз подойдет, пилить не надо. Стукнуть пару раз молотком. Светка, точно, на пиво даст. Магазин в праздник и ночью не закрывают. Можно будет потребовать и чего-нибудь покрепче, если подойти похорошему, обещание какое-нибудь дать без матерных слов. Сколько раз она уступала! Праздник все-таки! А то получается, что он, Иван, упорствует сам себе во вред. Светке-то от этого одна радость — теперь только и мечтает, чтоб он бросил выпивать. Ишь ты, размечталась!» И Иван уже решил твердо: «Ну, нет. Из принципа напьюсь сегодня, как надо быть».

Он птицей слетал в сарай, принес молоток, гвозди, новенькую доску, еще какие-то бруски и палки и с азартом стал все это прилаживать одно к другому. Скоро на месте обломков семейного равновесия Ивана красовалась новая скамейка, к которой Иван даже приделал спинку, чтоб не пропадали зря деревяшки, которые все равно валялись в сарае без надобности.

Мечта напиться обрела не гнилые, а конкретные, реальные подпорки, такие, что он уже не мог терпеть и ждать, пока Светка вернется домой, а решил скорей удостовериться, что ее продажа шла хорошо. Иван надел чистую рубаху, умылся, пригладил растрепанный чуб и, не спеша, нарочно с равнодушным видом направился туда, где народный праздник был уже в полном разгаре. От поворота слышались веселые голоса, музыка и шум праздничного оживления...

Еще издали он заметил толпу около временной эстрады посередине площади. Не хотелось мелькать в толпе, но обойти не получалось. Хоть слева, хоть справа, а народ везде. «А чего прятаться? — решил Иван.— Кажись, ничего не своровал». И даже нарочно пошел прямо через толпу.

На сцене разыгрывались какие-то призы. По ступенькам лезла толстуха в блестящей юбке, чтобы получить ведро с крышкой. Иван вспомнил, что в прошлом году такое ведро Светка тоже получила в каком-то конкурсе. «Закупили по дешевке пять лет назад, теперь сто лет раздавать будут»,— подумал про себя. И тут его как будто пригвоздили к месту. Ведущий вынес небывалый приз — двухлитровую

бутыль «Жигулевского» за семьдесят три рубля пятьдесят копеек,azole которой Иван в магазине глотал слюнки каждый день. Иван замер. Объявляли конкурс. Нужно было всего-ничего сочинить стихотворение про их Залепеевку с условием — участвуют только мужчины. У Ивана сразу выскочило в голове: «В Залепеевке все лето, как грибы, растут поэты». «Не пойдет,— подумал он.— Обидятся еще, что с грибами сравнил». «Обойди хоть всю планету, только тут живут поэты». «Во! Кажись, ничего, в самый раз». Он видел краем глаза, как засуетились разряженные курицы и стали что-то нашептывать на уши своим петухам в галстуках. «Сейчас возьмут»,— в панике подумал он. Какая-то сила стала продвигать его ближе к сцене, как будто от этого он получал свой шанс. Он уже стоял впереди всех, а пауза между тем затягивалась. На ум Ивану приходило новое и почему-то все про поэтов: «В мире лучше края нету, тут кругом одни поэты». Он спешно думал: «Говорить или не говорить? А вдруг?» Между тем, прокричав что-то вроде того, что настоящие таланты всегда отличаются скромностью, ведущий спустился по ступенькам вниз с другой стороны от Ивана и стал подносить микрофон то к одному, то к другому. Вот дела! Никто не мог ничего придумать. Тогда ведущий с микрофоном подошел прямо к Ивану, а Иван взял да и сказал: «Обойди хоть всю планету,— здесь всегда живут поэты». «О! — прямо подскочил ведущий.— Прекрасные строчки! Именно здесь, в Залепеевке, так много нераскрытых талантов...» И стал молоть прочую чепуху. Он взлетел на сцену и приглашал Ивана для получения приза. Иван забыл про страх. Он быстро, чтоб никто не обогнал, поднялся, стал рядом с ведущим и протянул руку. Ответил на какие-то вопросы и опомнился только тогда, когда спустился вниз и заметил на себе завистливые взгляды. Иван сообразил, что как-то нехорошо уходить сразу. Для приличия постоял немного и стал потихоньку отходить в сторону, ближе к дороге. Когда объявили другой конкурс, он сначала медленно, а потом, ускоряя шаг, уже направлялся к дому.

Скоро он только что не бежал. Как будто паруса несли Ивана, и он уже не мог остановиться... В голове одна за другой складывались строчки в новые стихи. И как складно получалось! «Светка убирает дом, в доме пыль стоит столбом. Не успеешь вернуться — можно пылью задохнуться». А вот про Верку-самогонщицу: «Верка лучше всех живет — уважает тех, кто пьет!» А ну-ка, про Петровича: «Мент считал свои медали — кабачки в саду украли». Это был намек на то, что в тот день, когда Петровича наградили за чистоту двора, у него в огороде пропали все кабачки и был выдернут лук какого-то особого сорта. «Вот тебе! Медальями сыт не будешь! Лучше б лук караулил». Стихи накатывали ударной волной. Увидав издали родную яму, после дождя превратившуюся в огромную лужу, Иван уже про себя читал: «И в жару, и в холода лужа здесь стоит всегда...»

Парусами вдохновения он чуть было не задел шедшего навстречу местного поэта Пенькова. Тот посторонился и даже с удивлением оглянулся.

Пролетев метров пять мимо Пенькова, Иван вдруг резко сбавил ход, пораженный внезапной мыслью: «Вот кто огребает! Как же я раньше не додумался! Если за две строчки дают целых два литра, то сколько ж это отваливают Пенькову? В каждом номере газеты вся последняя страница занята его стихами. Да! Вот где работа — не бей лежачего! То-то он все на озере сидит, рыбу сторожит. Сочинять-то и там можно, это ж не на тракторе пахать...» У Ивана сложилось сразу: «Если рыба не клюет, он стихи в мешке несет!» То-то Пеньков раздулся, как пузырь... Теперь Иван шел медленно, крепко прижимая к груди свою мечту за семдесят три рубля пятьдесят копеек. Он думал. Сколько времени пропало даром, пока он не ходил на работу. Сколько можно было сочинить! Принести в редакцию, показать. Идти-то всего ничего — за угол завернуть. А что? Может, еще и рады будут, что простые люди приходят, а не одни пеньковские приятели. Газета — для народа! Ну, такие, конечно, не напечатают, а если подумать, постараться... Делать-то все равно нечего! И эти, что сейчас сочинил, надо тоже записать в тетрадку, пусть будут, как записки...

Иван подошел к своей калитке. Окна были темные, значит, Светка еще не пришла. Он открыл калитку, постоял в раздумье. Скамейка белела свежей доской даже в темноте, и Иван осторожно сел посередине. Рядом поставил свой приз, ласково взял бутылку за горлышко. Никто не мешал ему выпить, хоть всю разом. Но Иван задумался. Пересиливало желание похвалиться перед Светкой новой, не начатой бутылкой. Пусть поглядит, что он, когда захочет, сам себе добудет, не дожидаясь ее подачек. А то еще и не поверит. «Ладно, подождем немного, не убудет», — принял решение Иван и опять вернулся к мыслям о стихах. А про что вообще писать? За такие записки, про самогонщицу да Петровича, ясное дело, по макушке не поглядят, еще и по шапке надают. Тут надо про что-то такое... «Ладно, — поделовому решил Иван, — завтра почитаю газету. Про что Пеньков сочиняет». Иван никогда не читал эти страницы. «Охота время тратить на чепуху!» А чепуха-то, оказывается, рублями звенит! Главное — придумать, про что писать... Хорошо, что Светка сохраняла все газеты...

Иван глядел перед собой в темноту, и было ему как-то беспокойно, как будто он решался сейчас отправиться в далекий и незнакомый путь, но позабыл много из того, что пригодится в дороге...

Он сосредоточил взгляд на круглой луне, которая светила над крышей Федоры, что жила напротив. Она плыла так низко, как будто нарочно хотела заглянуть в Федорину трубу. «Во-во, пусть поглядит, что у бабки в печке к празднику. А то сколько живет, огурцом соседу

не набьется,— подумал Иван. И добавил уже по неопределенному адресу.— Закрыли заборы на десять замков, никак не наедятся».

По небу шли облака. Они то и дело наплывали на луну, но она все равно выглядывала, и Иван стал про себя считать, сколько облачин проплывет, пока придет Светка...

О чем-то напоминали Ивану и эта луна, такая близкая, что, кажется, стань на крышу, и можно достать, и звезды, рассыпанные по небу, и облака, плывущие над головой... Точно так было в их деревне, когда во время сенокоса Иван с мужиками ночевал в стогу недалеко от речки... Иван вспомнил почему-то, как один раз все спали, а он не мог заснуть, все глядел на звезды и думал. Потом пошел к речке, сидел на берегу и слушал лягушек... На воде шевелилась лунная дорога, он наблюдал, как золотые полоски расплывались, собирались опять, таяли в воде, набегали одна на другую... Про что он думал тогда?.. Конечно, про Светку. Она оканчивала школу, была отличницей, и Иван еще ни разу к ней не подходил даже на вечерах, а посматривал только издали. Как-то Светка сама что-то у него спросила, а он ей ответил... И про это он сидел и думал, и не мог тогда заснуть...

«Вот про что написать бы стихотворение», — подумалось Ивану. И он напрягся. Стал подыскивать подходящие слова. Казалось, что они летают близко около него, как птицы, почти что задевают крыльями, но поймать их не удавалось. Иван заволновался. Какие-то рифмы получались, но они были смешные, это Иван сразу понимал: «Луна — до дна», «Светка — ветка», «Лягушки — старушки»... Он посмотрел на Луну, как будто она могла ему подсказать, но полуночница явно посмеивалась над ним... «Да...— думал Иван.— Вот и напиши, попробуй...» А про это точно бы напечатали. Он чувствовал это настоящее стихотворение, но оно почему-то никак не выражалось словами...

Иван расстроился. Он даже враждебно поглядел на бутылку «Жигулевского», как будто это она была виновата в том, что Иван не мог сложить ни одной строчки про то, что было самое, может быть, лучшее в его далекой юности. «Пускай,— решил он.— Не все сразу. Надо почитать. Подумать».

Послышались легкие шаги, по которым Иван всегда узнавал Светку. Она подходила к калитке и остановилась, увидев на скамейке Ивана. Ничего не сказав, приблизилась к нему. Перед собой Светка держала ведро с крышкой — мечту всех залепеевских огородниц. Значит, тоже выиграла в конкурсе. Светка, конечно, сразу увидела новую скамью, но ничего не сказала, молча села рядом и поставила ведро около себя. Глянула на бутылку. Иван не стал дожидаться вопроса. «Получил за конкурс. Во — аж два литра! Отметим, что ли? Одному неохота». Светка недоверчиво спросила: «За какой конкурс?» Иван с гордостью ответил: «Придумал стихотворение». «Неужели?» — с откровенной иронией спросила Светка. Иван обиделся: «А забыла, кто в

школе всю газету всегда писал? Между прочим, меня тогда тоже награждали». Это была чистая правда, и Светка промолчала. Может, даже и вспомнила, как Иван подарил ей один раз свое стихотворение. На выпускном вечере он сунул ей в руку помятый клочок бумаги с этим стихотворением, и она взяла... Как будто теперь забыла!

Светлана, молча, пошарила рукой в ведре и достала точно такую же двухлитровую бутылку за семьдесят три рубля пятьдесят копеек. «Все вышивки продала! И первое место дали!» Она поставила бутылку на скамью. Теперь их было две. Иван сразу не нашелся, что сказать, потом догадался: «Петрович про скамейку доложил!» Светка молчала. Теперь можно было идти в дом и праздновать от души, на что Иван имел полное и неопровержимое право. Но почему-то вставать не хотелось. Он заметил, что Светка тоже глядит на Луну, которая уже отчланила от Федориной трубы, стала как будто выше и взяла курс к дому Ивана. Он задумал: «Как скроется за облачину, так и подымусь». А облака, как нарочно, проплывали близко, но будто специально обходили Луну, и она делалась еще ярче и интереснее. «А где наши газеты старые?» — спросил вдруг Иван. Странно, что Светка даже не удивилась вопросу. Она как будто поняла Ивана, даже с какой-то радостью ответила: «За шкафом на кухне». И добавила: «Во вчерашнем номере стихи хорошие напечатаны». «Пеньковские?» — спросил Иван. «Нет,— ответила Светка.— Из области поэт, он на празднике выступал, забыла фамилию». Иван с каким-то тайным беспокойством спросил: «Про что стихи?» «Про разное...— как-то задумчиво произнесла Светлана.— Про жизнь...» «Почитаем»,— ответил Иван. Они опять замолчали.

Слова были как будто лишние, потому что первый раз за последние годы многотрудной жизни Светланы и Ивана они сидели рядом на новой скамейке возле их дома, глядели на Луну и вместе думали. И если б кому сказать, то все равно никто б не поверил, что первый раз за весь день Иван почему-то забыл, что еще с утра ему сильно хотелось выпить, а все его внимание сейчас было обращено к большому облаку, ползущему от горизонта. Он не хотел, чтобы это облако закрыло собою ясные звезды. Как будто от этого зависело что-то очень важное в непутевой жизни Ивана.